

О СИНТАКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ ТОЖДЕСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЯХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

I

Предложение представляет собою позиционную модель, каждое звено которой представлено отдельной словесной формой как единицей внутри парадигматического противопоставления. Элементарной синтаксической единицей является звено в позиционной модели предложения.

Сравнительно-историческое изучение синтаксиса должно привести к реконструкции синтаксических единиц и их системных отношений.

В настоящей работе ставится задача – высказать несколько соображений о реконструкции элементарных синтаксических единиц – отдельных позиционных звеньев структуры предложения.

Для того чтобы успешно решать вопросы реконструкции элементарных синтаксических единиц, необходимо установить систему соответствий между ними в родственных языках.

Элементарные синтаксические единицы находят свое материальное воплощение в двух проявлениях: в определенных словесных формах, т. е., в определенных единицах внутрипарадигматических отношений, и в определенных лексико-грамматических свойствах слов, которые являются носителями соответствующих форм.

По характеру этих двух проявлений мы и должны устанавливать синтаксические соответствия. Эти последние распадаются на две главные группы: соответствия тождества и соответствия различия.

Рассмотрим соответствия тождества.

Чтобы элементарные синтаксические единицы были тождественными в разных родственных языках, необходимо, чтобы все объективные признаки были тождественны. Словесные формы, которые представляют данную синтаксическую единицу, должны быть тождественными. Морфологический состав этих форм может быть и нетождественным, но формы как единицы внутрипарадигматических отношений обязательно должны быть тождественными в разных родственных языках.

¹ *Публикуется по:* Ломтев Т. П. О синтаксических соответствиях тождества и различия в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 24 с. (Доклады IV Международного съезда славистов / Акад. наук СССР. Советский комитет славистов).

В древнерусском языке употреблялся творительный падеж при глаголах *печься, печалиться* и др., например: *печься монастырем* «заботиться о монастыре».

Для решения вопроса о том, является ли позиция творительного падежа при глаголах *печься, печалиться* унаследованной из общеславянского праязыка или она представляет новообразование, важное значение имели бы параллели из литовского языка. В литовском языке мы действительно находим творительный при глаголе *rūpintis*, ср. *rūpintis kuo*. Возникает вопрос, правомерно ли сближать формы славянского и литовского творительного падежа.

Если бы формы творительного падежа в славянском и литовском имели гетерогенное происхождение, если бы они не представляли тождественных единиц внутрипадежного противопоставления, то параллель из литовского языка не имела бы никакого значения для суждения о происхождении позиции творительного падежа в русском языке при глаголе со значением заботиться.

Однако творительный падеж в славянском и литовском представляет собою тождественные единицы внутри- падежного противопоставления. Морфологические признаки его также являются общими, ср. ст.-сл. *сынѣмъ, сынѣми*, лит. *sūnumi, sūnumis*, ст.-сл. *головами*, лит. *galvomis* и т. п.

Таким образом, по характеру творительного падежа как единицы внутрипадежного противопоставления между славянской моделью *печься кѣмъ*¹ и литовской моделью *rūpintis kuo* может быть установлено соответствие. Это соответствие дает основание делать те или другие выводы о происхождении позиции творительного падежа в русском языке при глаголе со значением заботиться.

Однако нельзя смешивать тождество словесных форм как единиц внутрипадежного противопоставления с тождеством флективных морфем. Флективные морфемы могут быть нетождественными, а словесные формы, образованные с их помощью, могут быть тождественными. Если мы сравним древнерусское выражение *Петру роди ся сынъ* и польское выражение *Petrowi urodzilsię syn*, то мы увидим, что формы *Петру* и *Petrowi* имеют разные флективные морфемы, но как единицы внутрипадежного противопоставления эти формы являются тождественными. Это дает основание утверждать, что между указанными выражениями существует соответствие.

Падежные формы могут употребляться в двух родственных языках в одинаковом значении, но если эти формы не являются тождественными единицами внутрипадежного противопоставления, то между позициями

¹ Ср.: *Аще имамъ коня или скотину, то печемся ими*. Златоуструй, 1200 г.

таких форм нельзя устанавливать соответствия. В древнерусском языке мог употребляться творительный падеж имен существительных, обозначающих одушевленные предметы, при глаголах, обозначающих движение, ср. *ѣхатъ конемъ*¹. В латинском языке, как нам известно, употреблялся аблатив, ср. *equo vehi* «ехать на лошади». Так как славянский творительный и латинский аблатив не являются тождественными словесными формами, не представляют тождественных единиц внутриадажного противопоставления, не имеют общего происхождения, то сближение древнерусского *ѣхатъ конемъ* и латинского *equo vehi* не дает основания делать какие-либо выводы о происхождении позиции творительного падежа *конемъ* при глаголе *ѣхатъ* в древнерусском языке.

Итак, между позициями словесных форм разных родственных языков можно устанавливать соответствия только в том случае, если эти формы представляют собою тождественные единицы внутриадажного противопоставления.²

Объективным выражением элементарной синтаксической единицы является не только характер словесной формы как таковой, но и лексико-грамматические свойства той лексической единицы, которая является носителем данной словесной формы.

Возьмем форму дательного падежа в древнерусском выражении *ему роди ся сынъ*³. В соответствии с древнерусским выражением в современном белорусском языке находим *яму радзіўся сын* (соответствующее выражение можно отметить и для украинского языка).

Во всех трех восточнославянских языках употребляется одна и та же падежная форма одного и того же слова, при одной и той же части речи, при одном и том же глаголе *родился*.

Следовательно, позиция дательного падежа в древнерусском *ему родися сынъ*, белорусском *яму радзіўся сын*, украинском *йому родився син* является тождественной.

Рассмотренные морфологические группы в восточнославянских языках представляют собою тождественные словосочетания. Тождество этих словосочетаний сводится к тождеству его модели и к тождеству высших морфологических единиц этой группы. Соответствующие словосочетания содержат дательный падеж местоимения 3-го лица, глагол со значением «родиться» и именительный падеж имени существительно-

¹ Ср.: *Куряне... придоша коньми*. Ипатьевская летопись. С. 164.

² Считаю весьма вероятным наличие в прошлом славяно-балтийского единства, но факты литовского синтаксиса приводятся здесь на основании тождества синтаксических единиц литовского и славянского языков, а не на основании признания особого балтийско-славянского единства.

³ Ср.: *И в се время роди ся Ярославу сынъ*. Лаврентьевская летопись. С. 147.

го со значением «сын». В этом выражается тождество модели словосочетания. Элементы этой модели представлены тождественными высшими морфологическими единицами: формы *ему*, *родиться*, *сын* представляют одни и те же морфологические единицы во всех трех восточнославянских языках.

Но тождество словосочетаний может включать тождество их моделей, но не содержать тождества словоформ, входящих в данное словосочетание.

В соответствии с дательным падежом местоимения *ему* может находиться дательный падеж местоимения *тебе* ср. *тебе родился сын*. Различие между словами *я* и *ты* в дательном падеже не делает позицию дательного падежа в этих двух выражениях различной.

В древнерусском языке употреблялась форма дательного падежа в словесных группах, содержащих глаголы рождения, роста, болезни, смерти, работы и бытия, например: *ему родися сын*, *ему растеть дерево*, *ему болить голова*, *ему умерль сын*, *работает ему в смысле «для него»*, *им был бой* и т. п.

Возможны были, следовательно, сочетания *брату роди ся сынъ*, *сыну роди ся дочь*, *Петру роди ся сынъ*, *отцу роди ся сын*.

Если мы признаем, что позиции, которые занимают формы *брату*, *сыну*, *Петру*, *отцу*, являются тождественными, то мы имеем право сделать вывод, что во всех этих случаях представлена одна синтаксическая единица. Это имеет важное значение для теории установления синтаксических соответствий. Если указанные имена существительные в дательном падеже при одном глаголе представляют одну синтаксическую единицу, то мы обязаны признать закономерным установление соответствий между древнерусским *Ярославу роди ся сынъ* и белорусским *Янку радзіўся сынъ*.

Но имена существительные другого класса не могут представлять ту же синтаксическую единицу. Позиция дательного падежа *вечеру* в древнерусском выражении *вечеру роди ся сынъ* не тождественна с позицией дательного падежа *Янку* в белорусском выражении *Янку радзіўся сын*. Поэтому между этими выражениями нет соответствия, и их нельзя сблизать между собой в целях реконструкции ни одной из данных синтаксических единиц. Из наличия сочетания *вечеру роди ся сынъ* нельзя делать выводов о наличии или отсутствии сочетаний *Ярославу родися сын*.

Итак, кроме тождества словесной формы, должны быть тождественными и лексико-грамматические свойства слов, которые являются носителями данной словесной формы. Такие словесные формы при тождестве глагола представляют одну элементарную синтаксическую единицу. Это дает основание признать правильными соответствия между рассматриваемыми формами в разных родственных языках.

Но природа элементарной синтаксической единицы представленной падежной формой, определяется также лексико-грамматическими свойствами глагола.

В современном литовском языке форма дательного падежа употребляется при глаголах со значением «болеть», например: *man galva. skauda* (буквально: «мне голову болит»). В древнерусском языке названному литовскому выражению соответствует сочетание *мѣнѣ болитъ голова*.

В этих соответствиях содержится дательный падеж местоимения, глагол со значением «болеть» и именительный падеж имени существительного голова в русском языке и винительный падеж существительного с тем же значением в литовском языке.

Однако в них нет тождества всех морфологических единиц. Глаголы в этих соответствиях совершенно различны по своему происхождению: это разные морфологические единицы, ср. *болит* и *skauda*.

Возникает вопрос, правомерно ли установление соответствия между указанными сочетаниями. Глаголы в этих сочетаниях имеют разное происхождение, тождества между их корневыми морфемами нет.

Если мы признаем, что для тождества этих сочетаний необходимо тождество корневых морфем соответствующих глаголов, то мы не имеем права устанавливать между ними соответствие и использовать его для решения задач реконструкции. Но если исходить из положения, что природа синтаксических единиц не зависит от состава морфем слова, что она зависит от многих объективных факторов, в том числе от лексико-грамматических свойств глагола, то мы можем признать указанное соответствие закономерным.

Позиции дательного падежа в указанных выражениях древнерусского и литовского языков тождественны, так как соответствующие глаголы являются тождественными единицами в тождественных глагольных классах.

Чтобы признать позицию дательного падежа данного слова в литовском языке тождественной с позицией дательного падежа соответствующего слова в древнерусском языке, не обязателен тождественный состав корневых морфем глаголов; необходимо, чтобы они имели общие лексико-грамматические свойства.

Если задача заключается в том, чтобы реконструировать синтаксические единицы, а не морфемы, то в соответствие должны приводиться не состав морфем, а синтаксические модели. Специфику синтаксических моделей составляет не состав морфем, а состав словесных форм. Словосочетания могут сближаться и в том случае, если они тождественны по характеру своих моделей. Такие соответствия следует признать правильными.

Итак, соответствия в синтаксисе могут устанавливаться между тождественными позициями тождественных словесных форм, а не тождественных морфем. Такие соответствия всегда являются соответствиями тождества. В этих соответствиях представлены тождественные словесные формы в тождественных позициях, т. е. тождественные элементарные синтаксические единицы.

Совокупность таких синтаксических соответствий характеризует размеры языковой общности данной группы родственных языков; в области синтаксиса во всех восточнославянских языках творительный падеж может обозначать предмет в качестве орудия осуществления действия, выраженного глаголом, ср. русск. *пишу карандашом*, белор. *пішу алоўкам*, укр. *пишу олівцем*.

Рассмотрим теперь соответствия различия, т. е. такие соответствия между элементарными синтаксическими единицами, которые имеют тождественный характер позиций и различную грамматическую структуру.

В русском языке при глаголе смеяться употребляется предложная конструкция «над + творительный падеж имени существительного», в белорусском – «з + родительный падеж имени существительного», в украинском – «з + родительный падеж имени существительного», ср. русск. *смеяться над кем-либо*; белор. *смяцца з каго-небудзь*; укр. *сміятися з кого*.

В русском языке при глаголе получить употребляется винительный падеж, в белорусском при глаголе с тем же значением – винительный, а в украинском – родительный, ср. русск. *я получил письмо*, белор. *я атрымаў ліст*, укр. *я одержав листа*.

Итак, соответствия в синтаксисе могут устанавливаться и между тождественными позициями разных словесных форм или разных грамматических средств.

Такие соответствия всегда являются соответствиями различия. В этих соответствиях представлены различные грамматические средства в тождественных, позициях. Совокупность таких соответствий характеризуют размеры языковых расхождений данной группы родственных языков в области синтаксиса; так, в русском языке 3-е лицо повелительного наклонения образуется путем сочетания частицы пусть с личной формой глагола, ср. *пусть пишет*; в белорусском языке та же форма образуется посредством сочетания частицы *няхай* с личной формой глагола, ср. *няхай піша*; в украинском языке – посредством сочетания частицы *хай* с личной формой глагола, ср. *хай пише*.

Итак, синтаксические соответствия могут быть соответствиями тождества и соответствиями различия. На основании этих соответствий должны быть реконструированы позиции словесных форм в праязыке.

В связи с этим возникает вопрос о принципах отбора синтаксических соответствий. Не всякое соответствие может быть использовано в целях синтаксических реконструкций. В соответствия должны включаться только те синтаксические явления, которые закономерно развились в данной системе, а не привнесены извне.

Соответствия, представляющие собою элементы, привнесенные извне, не могут служить основанием для синтаксических реконструкций.¹

В соответствия должны включаться тождественные или различные грамматические средства в тождественной позиции, а не тождественные средства в различных позициях.

Белорусская конструкция «з + родительный падеж» и русская конструкция «с + родительный падеж» не представляют соответствия в позиции делиберативного объекта при глаголе смеяться, так как в русском языке конструкция «с + родительный падеж» не употребляется в этой позиции, но эти конструкции представляют собою соответствие в других позициях, ср. в русском языке *съехать с горы*, в белорусском – *з'ехаць з гары*.

Равным образом не представляет собою соответствия в белорусском и русском языках конструкция «над + творительный падеж», в позиции делиберативного объекта при глаголе смеяться, так как это выражение в белорусском языке не употребляется в указанной позиции, но в других позициях эта конструкция представляет собою соответствие, ср. в русском языке *лампа висит над столом* и в белорусском – *лямпа вісіць над сталом*.

Сближение тождественных средств в разных позициях не может быть использовано в целях реконструкции синтаксических фактов в данной позиции. Сближение белорусского выражения *смяцца з брата* и русского *съехать с горы* не может дать каких-либо соображений по вопросу об употреблении предложной конструкции «с + родительный падеж» в указанных позициях в общевосточнославянском праязыке.

В сербском языке употребляется предложная конструкция «од + родительный падеж» в значении действующего лица, например: *Поштован је од свију* «он уважаем всеми». В русском языке такая предложная конструкция имеется, но в указанной позиции она не употребляется. Установление соответствия между русским выражением *он ушел от брата* и сербским *поштован је од свију* не может быть использовано в качестве доказательства того, что выражение «уважаем от всех» имеет общеславянское происхождение.

¹ См.: Ярцева В. Н. Проблемы выделения заимствованных элементов при реконструкции сравнительно-исторического синтаксиса родственных языков // Вопросы языкознания. 1956. № 6.

Вопрос об общеславянском происхождении конструкции «*от* + родительный падеж» в значении действующего лица должен решаться на основании других соответствий.

Задача реконструкции синтаксических явлений требует, чтобы были правильно установлены синтаксические соответствия. Установление правильных синтаксических соответствий между славянскими языками является важнейшей очередной задачей сравнительной грамматики славянских языков.

II

Правильно установленные синтаксические соответствия должны быть основанием для умозаключений о синтаксической системе общеславянского праязыка. Строго установленные соответствия должны быть правильно истолкованы, чтобы можно было сделать вывод о наличии того или другого факта в общеславянском праязыке.

При истолковании отдельных синтаксических соответствий можно было бы руководствоваться предположением, что соответствия тождества унаследованы из праязыка, а соответствия различия представляют собою новообразования, возникшие в период обособленной жизни того или другого родственного языка. Это в ряде случаев соответствует действительности; как указано было выше, в русском, белорусском и украинском языках творительный падеж может употребляться в позиции орудия. Эта позиция творительного падежа действительно унаследована из общеславянского праязыка. Однако уже давно было обращено внимание на то, что многие общие явления в родственных языках могут быть не отражением первоначальной общности, а результатом параллельного развития родственных языков. И действительно, во всех славянских языках имеется оборот «*с* + творительный падеж» в присубстантивной позиции сопровождающего предмета, ср. в русском *девушка с длинными волосами*, в белорусском *дзяўчына з доўгімі валасамі*, в украинском *дівчина з довгими волосами* и т. п.

Руководствуясь вышеуказанным соображением, можно было бы сделать вывод, что оборот «*с* + творительный падеж» в присубстантивной позиции сопровождающего предмета был унаследован общеславянским праязыком из общеиндоевропейского праязыка; между тем, в общеславянском праязыке на ранней стадии его развития сопровождающий предмет обозначался творительным без предлога, о чем свидетельствует литовский язык, ср. *merga ilgais plaukais* «девушка с длинными (буквально: длинными) волосами».

Соответствия тождества могут охватывать все славянские языки и не быть унаследованными из общеиндоевропейского праязыка. С другой стороны, было бы неправильно думать, что синтаксические соответствия различия всегда представляют собою продукт самостоятельного развития отдельных славянских языков.

Соответствия тождества могут представлять продукт самостоятельного развития отдельных языков, а соответствия различия могут быть унаследованными из праязыка.

Творительный предикативный представлен во многих славянских языках и является продуктом самостоятельного развития отдельных славянских языков, а союз *если* представлен в русском языке, но не представлен ни в белорусском, ни в украинском языке и является синтаксическим фактом, унаследованным из общеславянского праязыка.

Очень важное значение имеет соображение о том, что синтаксические соответствия должны быть предварительно изучены на почве отдельных родственных языков.

История отдельного языка может показать, что то или другое синтаксическое явление одного языка, повторяющееся в других родственных языках, может развиваться в этом языке в относительно поздний период его истории. Так обстоит дело с творительным предикативным падежом. Он развивался в отдельных славянских языках в период их самостоятельной жизни, и факт наличия творительного предикативного в восточных и западных славянских языках не имеет никакого значения для реконструкции падежных форм в позиции сказуемого.

Было бы, однако, неправильно, если бы мы сделали вывод о необходимости прекратить сравнительные исследования в области синтаксиса до тех пор, пока не будут закончены исследования развития синтаксического строя отдельных родственных языков. Сравнительные исследования опираются на исторические исследования, а исторические исследования опираются на сравнительные исследования. Изучение синтаксических фактов нужно проводить одновременно в двух планах: в сравнительном и историческом. При изучении синтаксических явлений в истории отдельного славянского языка основными источниками являются памятники и народные говоры.

Давно уже обращено внимание на важность соответствий, засвидетельствованных памятниками; они широко используются для уточнения хронологии тех или других явлений. Вместе с тем, необходимо отметить, что показания памятников в области синтаксиса нельзя принимать некритически. В этом отношении заслуживает внимания рассмотрение данных памятников, относящихся к вопросу о развитии творительного предикативного имен прилагательных на месте второго именительного.

Второй именительный местоименных форм редко встречается в памятниках XII в., он мало употребляется и в памятниках XVII столетия; в то же время уже в памятниках XVII столетия засвидетельствованы случаи употребления творительного предикативного имен прилагательных; это дало повод некоторым исследователям утверждать, что в русском языке творительный предикативный имен прилагательных возник в XVII столетии и приходил на смену второму именительному именных форм. Показания памятников должны быть критически проанализированы. Данные памятников без критической проверки еще не являются подлинными фактами живого общенародного языка. Вышеуказанный вывод не выдерживает научной критики.

Как известно, имена прилагательные в творительном предикативном имеют местоименную форму. Из этого следует, что творительный предикативный имен прилагательных должен возникать на базе второго именительного местоименных прилагательных; прежде, чем мог возникнуть творительный предикативный имен прилагательных, должен получить широкое распространение второй именительный членных прилагательных; в такой закономерности этот процесс и засвидетельствован в западнорусских памятниках, отражающих белорусский язык; уже в XV и XVI столетиях эти памятники дают нам многочисленные примеры употребления второго именительного местоименных форм; памятники XVI в. уже свидетельствуют о широком распространении и творительного предикативного имен прилагательных.¹

Как видим, данные западнорусских памятников, отражающих белорусский язык, значительно расходятся с данными русских памятников. Это объясняется тем, что в Московском государстве литературный язык сохранял значительное количество книжных, церковнославянских элементов. В Литовском княжестве церковнославянский язык не играл сколько-нибудь значительной роли. На этой территории памятники письменности складывались в значительной степени вне сферы воздействия книжных, церковнославянских традиций. Ввиду этого творительный предикативный, развивавшийся в живом народном языке, находил отражение в западнорусских памятниках; в русских памятниках он не находил более или менее широкого отражения ввиду наличия книжных церковнославянских традиций. Ввиду этого творительный предикативный, развивавшийся в живом народном языке, находил отражение в западнорусских памятниках; в русских памятниках он не находил более

¹ Ломтев Т. П. Исследования в области белорусского синтаксиса // Ученые записки Белорусского государственного университета. Серия филологическая. Вып. I. Минск, 1941. (Гл. VI. Изменения в употреблении второго именительного имен прилагательных в функции сказуемого).

или менее широкого отражения ввиду наличия книжных традиций. Этим объясняется незначительное распространение местоименных форм имен прилагательных в функции сказуемого.

В свете этих данных получает разьяснение любопытное том, что творительный предикативный и второй именительный местоименных форм имен прилагательных получают в памятниках почти одновременное распространение и почти в равных пропорциях. Это явление становится вполне понятным при сравнении данных западнорусских и русских памятников: среди первых закономерный ход развития изучаемого процесса находил беспрепятственное, более или менее неискаженное отражение, среди вторых он прокладывает себе дорогу, преодолевая препятствия в виде наличия старых книжных норм, отражение его в памятниках XV–XVII вв. было еще более или менее искаженным и неравномерным.

Важное значение для изучения законов развития языка имеют соответствия между явлениями общенародного языка и его диалектов; так, в общенародном языке связка настоящего времени не употребляется при форме на *-л*, а также при личных формах глаголов настоящего времени; в говорах же случаи употребления связки в указанных условиях наблюдаются, ср. *диревня носилась есь, есь ходят старицьки*.¹ В общенародном языке при инфинитиве от переходных глаголов имена существительные женского. рода употребляются в форме винительного падежа, ср. *топить баню*; в говорах мы находим в соответствующих синтаксических условиях форму на *-а*, ср. *пить вода, топить баня*.² В общенародном языке в функции сказуемого. Употребляется форма на *-л*, которая в прошлом представляла собою причастие; по говорам в указанной функции встречаются и причастия прошедшего времени другого образования, ср. *он выпивши, он уехатчи* и т. п.

В оценке указанных соответствий нередко допускался огульный подход. Некоторые исследователи склонны были считать, что явления, свидетельствуемые говорами, отражают более древний этап в развитии общенародного языка. Другие, напротив, стараются каждое диалектное явление истолковать как факт более позднего времени.

¹ Борковский В. И. Вопросы исторического синтаксиса русского языка // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952. С. 270; Ломтев Т. П. Исследования в области истории белорусского синтаксиса (гл. III. Изменения в употреблении личных форм от основы *ес-* при причастиях на *-л* в сказуемом).

² Ломтев Т. П. Учение Потемни о субъективном и объективном употреблении инфинитива и вопрос о конструкциях типа «*вода пить*» // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Кн. 8. 1949. С. 19 и след.

Между тем, явления, отмеченные по говорам, имеют разное происхождение: одни из них отражают глубокую старину, как, например, обороты типа *пить вода*, другие представляют собою позднейшее образование, как, например, обороты типа *есть ходят старицьки*.

Задача реконструкции синтаксических явлений требует, чтобы были разработаны принципы и методика истолкования синтаксических соответствий. Имеющийся в этом отношении опыт исследователей еще не является достаточным, чтобы успешно решать задачи синтаксических реконструкций.

III

Для иллюстрации некоторых соображений о приемах синтаксических реконструкций рассмотрим отдельные примеры соответствий тождества и соответствий различия.

При реконструкции синтаксических фактов, представленных соответствиями тождества, важное значение имеет распознавание того, какие синтаксические явления для данной эпохи представляют собою элементы нового качества и какие – элементы старого, отмирающего качества.

Если доказано, что какой-либо синтаксический факт представляет собою отмирающее явление, которое повторяется в ряде родственных языков, то его наличие в этих языках нельзя истолковать как результат параллельного развития; при этих условиях его можно истолковать только как унаследованное явление. Из этого следует, что если употребление данной словесной формы в данной грамматической позиции является отмирающим явлением и если оно при этом встречается в родственных языках определенного круга, то оно может быть реконструировано для праязыка (для определенного периода его развития).

Если при глаголах рождения, роста, болезни и смерти в древнерусском языке употреблялся дательный падеж, например, *родися ему сынъ* в соответствии с современным *родился у него сын*, *росло ему дерево* в соответствии с современным *росло у него дерево*, *ему болит голова* в соответствии с современным *у него болит голова*, *умерль ему ребенок* в соответствии с современным *умер у него ребенок*, и если в той же грамматической позиции такое употребление дательного падежа встречается, например, в литовском языке, ср. *vaikas tums nūmire* «ребенок у нас умер» (буквально: *ребенок нам умер*), то мы можем умозаключить, что дательный падеж в указанной позиции имел место в общеславянском праязыке. Если при глаголах со значением «работать», «жить» употреблялся дательный падеж имен существительных со значением лица, например, *работать ему* в соответствии с современным *ра-*

ботать для него или *на него*, *жить себе* в соответствии с современным *жить для себя*, если употребление дательного падежа в рассматриваемой грамматической позиции отмирало, если в указанной позиции дательный падеж употребляется и в литовском языке, ср. *žmonės tik sau dirba* «люди работают только себе» (т. е. на себя или для себя), то мы можем утверждать, что дательный в рассматриваемой грамматической позиции имел место в общеславянском праязыке.

Если в славянских языках при глаголах со значением «заботиться» употреблялся творительный падеж, например, *заботился женой* в соответствии с современным *заботился о жене*, если употребление творительного падежа в данной грамматической позиции отмирает и если в той же грамматической позиции мы находим употребление творительного падежа в литовском языке, ср. *rūpintis kuo* «заботиться кем», то мы имеем право утверждать, что употребление творительного падежа в данной позиции было свойственно общеславянскому праязыку.

С другой стороны, если какой-либо синтаксический факт представляет собою развивающееся явление, которое повторяется в ряде родственных языков, то его наличие в этих языках, как уже не раз отмечалось, нельзя истолковать только как явление унаследованного характера; не исключена возможность его параллельного развития в разных родственных языках. В белорусском и украинском языках мы находим при глаголе смеяться конструкцию «з + родительный падеж», в литовском языке при глаголе со значением «смеяться» употребляется конструкция «*is* + родительный падеж», соответствующая славянской, например, *juoktis iš ko*, ср. белор. *смяцца з каго*.

Из истории восточнославянских языков мы знаем, что конструкция «с + родительный падеж» в позиции делиберативного объекта есть явление новое, развивающееся. В литовском языке также наряду с предложной конструкцией *iš ko* употребляется творительный падеж *kuo*, ср. *juoktis kuo* (буквально: *смеяться кем*).

В литовском языке употребление творительного падежа в данной позиции отмирает, а употребление предложных конструкций в той же позиции развивается.

Из этого следует, что факт употребления предложной конструкции «с + родительный падеж» в белорусском и украинском языках и предложной конструкции «*iš* + родительный падеж» в литовском не может служить доказательством того, что предложная конструкция с родительным падежом имела место в общеславянском праязыке и унаследована из него белорусским и украинским языками.

Употребление дательного падежа в значении объекта-адресата во всех славянских языках является доказательством того, что эта позиция

дательного падежа восходит к общеславянскому праязыку, а употребление во всех славянских языках оборота «с + творительный падеж» в присубстантивной позиции сопровождающего предмета не является безусловным доказательством того, что данная позиция предложной конструкции восходит к праязыку, так как не исключена возможность параллельного развития в употреблении этой конструкции в разных языках в тождественной позиции в качестве элемента нового качества.

Более того, наличие элемента старого качества даже в одном члене любого соответствия, может служить доказательством принадлежности по крайней мере одному из диалектов праязыка; так, оборот типа *вода пить, деревня видать* представляет собою явление глубокой древности¹.

В славянской языковой области оборот *вода пить* известен только в некоторых говорах русского языка, а оборот *деревня видать* засвидетельствован белорусским языком и южнорусским наречием русского языка. Нигде эти обороты не расширяют области своего применения, ни в одном говоре они не функционируют как элементы нового качества. Ясно, что это явление не может быть продуктом позднейшего развития языка; этот оборот существует в языке только как унаследованное из прошлых эпох явление, а не как средство, вызванное необходимостью совершенствования грамматического строя русского языка на современном этапе его развития.

Это общее гипотетическое предположение подкрепляется данными литовского языка, в котором при инфинитиве может употребляться именительный падеж, например: *tiktai rope graužti lengva* (буквально: *только репа грызть легко*), *toks žmogus reta rasti* «*такой человек редко найти*».

Рядом с именительным падежом может употребляться при том же инфинитиве и винительный падеж.

Таким образом, русская конструкция *репа грызть* имеет полное соответствие в литовской конструкции *rope graužti*. И так как эта конструкция представляет собою отмирающее явление, то ее наличие в русском и литовском языках может быть истолковано только как унаследованное достояние, а не как результат независимого параллельного развития.

Рассмотрим еще одну конструкцию. В древнерусском языке засвидетельствовано употребление инфинитива при именах прилагательных в позиции сказуемого, например: *вода же его [Иордана]... сладка пити* (Хожд. Дан., гл. 5); *Хорошо эдакъ служба-то говорить* (Пут. в св. з. Лукьян., 19). В этих выражениях инфинитив имеет объектное употребление: производитель инфинитивного действия не совпадает с субъектом предложения. Подобное употребление инфинитива современный рус-

¹ См. указанную выше статью в «Докладах и сообщениях филологического факультета МГУ» (Кн. 8. 1949).

ский литературный язык в общем не сохранил. Однако возможно просторечное выражение *он хорош поглядеть*.

Субъектное употребление инфинитива при именах прилагательных в позиции сказуемого имело место в древнерусском языке и продолжает сохраняться в современном русском языке, например: *готов писать, читать; горазд говорить; должен ходить, говорить; обязан читать, писать; ленив работать* и т. п.

Субъектное употребление инфинитива при именах прилагательных в позиции сказуемого засвидетельствовано во всех славянских языках; оно встречается также и в литовском языке.

Об объектном употреблении инфинитива при именах прилагательных в позиции сказуемого в славянских языках, насколько известно, нет достаточных сведений.

Возникает вопрос, можно ли считать такое употребление инфинитива в древнерусском языке унаследованным из общеславянского праязыка. Имея в виду, что это явление отмирает, было бы неосновательно думать, что оно могло развиваться в отдельной жизни древнерусского языка. В литовском языке представлено объектное употребление инфинитива при именах прилагательных, например: *šitas arklys laikyti brangus* (буквально: этот конь держать дорогой), *šitas arklys foti geras* (буквально: этот конь ехать хороший).

Наличие объектного употребления инфинитива при прилагательных в литовском языке, в котором оно также не является продуктивным, свидетельствует в пользу того предположения, что указанное употребление инфинитива было свойственно общеславянскому праязыку и затем унаследовано древнерусским языком.

Рассмотрим отдельные случаи употребления форм творительного падежа при глаголах.

В современном русском языке свободно употребляются имена существительные с пространственными значениями при глаголах передвижения, например: *прошел лесом, полем, улицей, двором, коридором, кухней* и т. п.

Но при глаголах пребывания или действия с моментом пребывания указанные имена существительные не употребляются; в современном русском языке невозможны выражения *лежал* или *читал лесом, полем, двором* и т. п. Между тем такие выражения возможны в западноукраинских говорах, например: *вовки виют лісом; лісом гуділо; трясовиці блистіли лісом; хатами люди розстогнали ся; зустрілися над річкою бережком* и т. п.

Возникает вопрос, является ли такая позиция творительного падежа в западноукраинских говорах унаследованной или она развилась в отдельной жизни этих говоров.

Данные древнерусских памятников указывают на то, что рассматриваемое здесь употребление творительного падежа постепенно сокращалось.

Если данная позиция творительного падежа является элементом отмирающего качества и если она встречается в других родственных языках, то мы имеем право утверждать, что она имела место в праязыке. В польском, чешском и сербохорватском языках позиция творительного падежа представлена, ср.: польск. *mieszka u brata kątem*¹ «живет у брата углом» (т. е. в углу); чешск. *spivali jsme lesom* «пели лесом» (т. е. в лесу); сербохорв. *зеленим долом сутон лежи* «в зеленом долу – сумрак»; *lištihe шушти гробом* «листья шуршат на могиле»².

Это дает нам основание утверждать, что в общеславянском праязыке творительный падеж имен существительных с пространственным значением мог употребляться не только при глаголах передвижения, но и при глаголах пребывания.

В западноукраинских говорах засвидетельствовано также употребление творительного падежа имен существительных со значением отверстия, например: *вікнами втікали, дверми викинулись*.

Такая позиция творительного падежа представлена в современных белорусских и русских говорах, ср.: *уж ты выйди стрелка ухом левым* (Онч., 75); *однімі вароты ды узлез на двор* (Шейн. Нар. бел. песни. С. 324).

Такое употребление творительного падежа засвидетельствовано в древнерусских и старославянских памятниках и во многих живых славянских языках, ср. польск. *wylecieć oknem*, словац. *hladim oknom*, чешск. *přijiti dveřmi* и т. п.

Имея в виду, что употребление творительного падежа в указанной позиции сокращалось, отмирало, мы не можем утверждать, что оно развилось в самобытной жизни отдельных славянских языков. Мы обязаны сделать вывод, что рассматриваемая позиция творительного падежа была представлена уже в общеславянском праязыке и унаследована отдельными славянскими языками.

Соответствия тождества, как известно, могут представлять явления, развивавшиеся в общеславянском праязыке. Эти явления для указанной эпохи представляют элемент нового качества. Такие явления нельзя истолковать как факты, унаследованные из общеиндоевропейского языка-основы. В местном падеже во всех современных славянских языках употребляются предлоги *в* и *на*. Однако этот факт мы не можем считать общеславянским явлением, унаследованным из общеиндоевропейского языка-основы.

¹ Łoś J. Funkcje narzędnika w języku polskim. Kraków, 1904. S. 108.

² Ивић М. Значења српскохорватског инструментала и њихов развој. Београд, 1954. С. 122.

Во-первых, не решен вопрос об общеиндоевропейском происхождении славянского местного падежа. Во-вторых, в ближайшем родственном языке – литовском – предлоги *в* и *на* с местным падежом не употребляются. Это дает нам основание утверждать, что употребление предлогов *в* и *на* при местном падеже не унаследовано из общеиндоевропейского языка. Вместе с тем этот факт нельзя рассматривать как явление, развившееся в период самостоятельной истории отдельных славянских языков, так как древнейшие славянские памятники указывают на то, что предлоги *в* и *на* с местным падежом, как правило, употреблялись.

Распространение предлогов *в* и *на* при местном падеже надо рассматривать как явление, развившееся в более поздней истории общеславянского праязыка. Этот вывод можно сделать на том основании, что древнейшие памятники всех славянских языков свидетельствуют, что местный падеж в отдельных случаях еще мог употребляться и без предлогов *в* и *на*.¹ Отмирание употребления местного падежа без предлогов *в* и *на* завершилось, по данным памятников, в исторический период.

Изучая последовательность отмирания употребления местного падежа без предлогов *в* и *на*, можно тем самым установить последовательность распространения предлогов *в* и *на* в местном падеже.

В современных славянских языках предлоги *в* и *на* употребляются с местным падежом при глаголах ненаправленного движения или пребывания, с винительным падежом – при глаголах направленного движения, ср. *лежал на земле, но упал на землю*.

Такое противопоставление употребления предлогов *в* и *на* проведено в современных славянских языках более или менее строго. В выражениях *положил на столе* и *положил на стол* глагол *положить* имеет в первом случае значение ненаправленного движения, а во втором случае – значение направленного движения.

В противопоставление употребления предлога *на* с местным и винительным падежами представлено только в славянских языках, а противопоставление употребления предлога *в* с местным и винительным падежами представлено во многих индоевропейских языках. Тем не менее, это не дает нам основания утверждать, что указанное противопоставление в употреблении хотя бы предлога *в* унаследовано общеславянским праязыком.

Древние памятники предоставляют факты, которые указывают на то, что указанное противопоставление не было строго проведено в общеславянском праязыке. Употребление предлогов *в* и *на* с винительным падежом было унаследовано общеславянским праязыком, но употребление тех же предлогов с местным падежом развилось в общеславянском праязыке.

¹ Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. (§ 114, 118).

По мере распространения предлогов *в* и *на* с местным падежом уточнялось противопоставление позиций предложных конструкций «*в* и *на* + местный падеж» и «*в* и *на* + винительный падеж».

В древнерусских памятниках еще сохранилось в единичных случаях употребление предлогов *в* и *на* с местным падежом при глаголах направленного движения (ср. *стрѣлы твоя унзоша во мнѣ* Лавр., л. 130; *Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои* Сл. о пл. Иг., 75) и с винительным падежом при глаголах пребывания (ср. *От нихъ же первие Сирии, жиуща на конецъ земля* Лавр., л. 13; *От нихъ же Кривичи, иже седять на верхъ Волги, а на верхъ Двины, на верхъ Днѣпра* Лавр., л. 13; *Во всю землю изидоша вѣщанья ихъ и въ конецъ вселеня глаголи ихъ* Лавр., л. 81).

Если противопоставление предлогов *в* и *на* с местным и винительным падежами строго проведено в современных языках и если древние памятники указывают на отсутствие такого противопоставления, то это дает основание для внутренней реконструкции. Установленные таким путем соотношения доказывают, что противопоставление местного и винительного падежей при предлогах *в* и *на* в основном уже сложилось в эпоху древнейших памятников, что в более ранний период такого противопоставления не было, что оно не унаследовано общеславянским праязыком, а развилось в этом последнем.

В современных славянских языках предлог *над* употребляется, главным образом, с творительным падежом, ср. *летал над Москвой*. Предлог *над* имеет славянское происхождение. Как известно, он образовался путем наращенія элемента *-d-* к форме *на*. Таким образом, конструкции с предлогом *над* в общеславянском праязыке не являются унаследованными.

Рядом с творительным падежом в единичных случаях засвидетельствовано употребление при том же предлоге винительного падежа, ср. ст.-сл. *надъ пропасти ведоми*, чешск. *ročovali jej vuše nad jine hroby potomkou*, сербохорв. *облак се над Беч амакнуо*.

Эти факты также дают основания для внутренней реконструкции. Если предлог *над* сочетается, как правило, с творительным падежом и если в то же время сохраняются следы его сочетания с винительным падежом, то мы не имеем права рассматривать сочетание предлога *над* с творительным падежом как унаследованное явление. Установленное соотношение фактов позволяет сделать вывод, что в общеславянском праязыке в тождественных позициях при предлоге *надъ* употреблялись две падежные формы – творительный падеж и винительный падеж. В русском языке употребление винительного падежа в указанной позиции не сохранилось. Употребление при одном предлоге в тождественных условиях двух или трех падежей представляет собою обычное явление в

истории синтаксиса. В древнерусском языке при предлогах *мимо*, *около* употреблялись винительный и родительный падежи. Литературный язык сохранил только употребление родительного падежа. При предлоге *против* употреблялись винительный, родительный и дательный падежи. В последующей истории языка употребление винительного и дательного падежей с предлогом *против* было утрачено. Эти процессы протекали в исторической жизни русского языка. Но процессы утраты употребления винительного падежа при предлоге *над* в основном протекали в общеславянском языке.

Мы рассмотрели некоторые случаи реконструкции элементарных синтаксических единиц на основе соответствий тождества. Важнейшим условием правильных выводов в этой области синтаксических реконструкций является распознавание элементов старого, отмирающего качества и элементов нового, накапливающегося качества. Реконструкции подлежат не только элементарные синтаксические единицы, но и их системные отношения.

Принципы и методы синтаксических реконструкций неразрывно связаны с разработкой теории синтаксиса.